

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

КТО УБИЙЦЫ?
ПАВЕЛ КУДРЯШ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 37

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 37. Произведения
1906–1910 гг. Кто убийцы?
Павел Кудряш
(Весь Толстой в один клик)**

Содержание

Лев Николаевич Толстой Кто убийцы? Павел Кудряш (1908—1909 гг.)	0004
#2	0005
Предисловие к электронному изданию	0007
#4	0010
НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ	0011
** КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ	0011
ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ	0041
КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ	0041
Комментарии В. С. Мишина «ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ «УБИЙЦЫ» И «КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ»	0049
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ	0049
ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ	0060
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0064
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0082
Иллюстрации	0085

Лев Николаевич Толстой

Кто убийцы? Павел Кудряш
(1908—1909 гг.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АВВУУ

Подготовлено на основе электронной ко-
пии 37-го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толсто-
го, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Тол-
стого

доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к
37-му тому Полного собрания сочинений Л.Н.
Толстого включены в настоящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напи-
шите нам*

info@tolstoy.ru

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

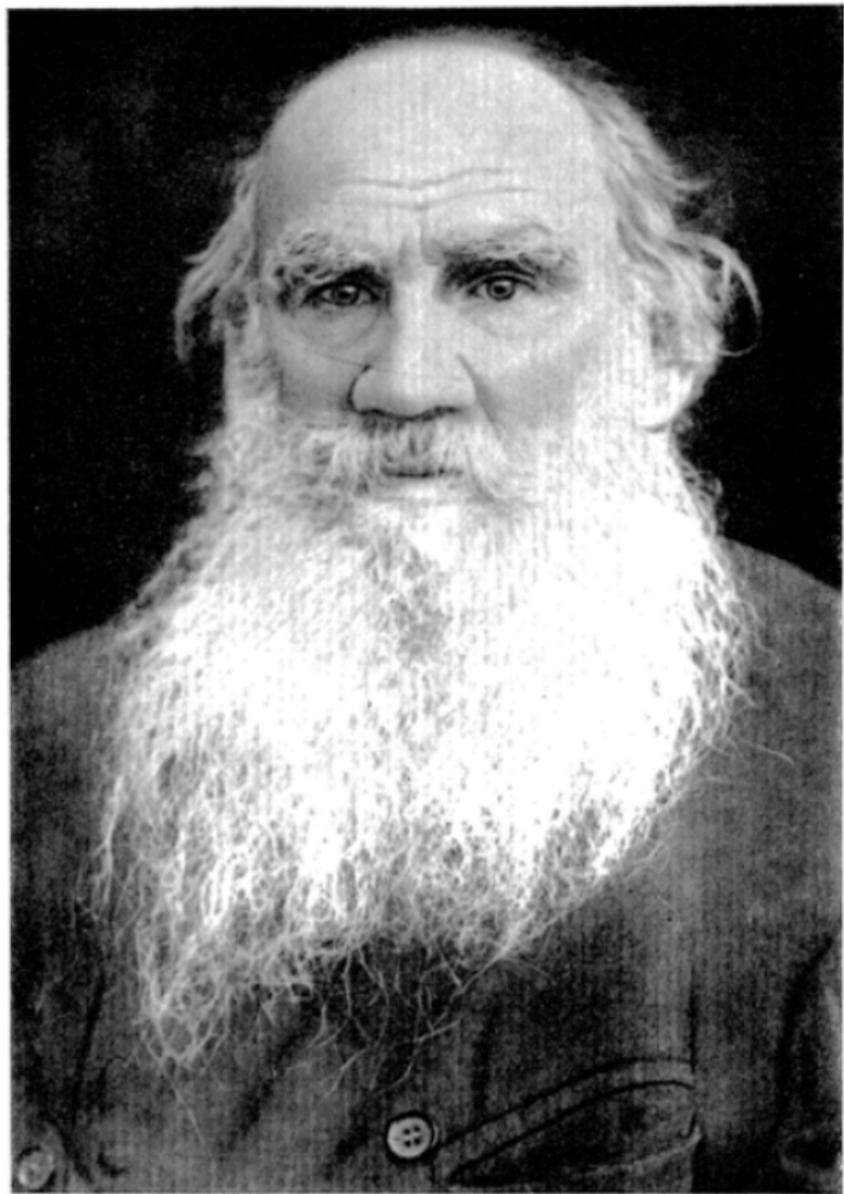
Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

НЕОПУБЛИКОВАННОЕ, НЕОТДЕЛАННОЕ И НЕОКОНЧЕННОЕ

** КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ

1

Это было 3 июня 1906 года. Овсы взошли хорошо, всходила и гречиха. Рожь выколосилась и сбиралась цвести. Народ взялся за навоз. Стояла жара. Подходило к полдню. Семен Лункин свалил последние кучи на свое паровое поле, и на двоим возвращался домой, дремля на передке передней телеги. Дорога шла овсами.

– Дядя! Гей! дядя Семен! – кричал звонкий девичий голос. Семен очнулся и увидел встречные два воза с навозом и здоровую босую девку в красном платке с утыканными васильками, в синей кофте и серой юбке. Девка стояла подле воза и, смеясь, окликала Семена.

– Задремал, дядя Семен? А?

– И то. А! Графена Марковна, – шутливо

проговорил Семен, раскрывая глаза. – А что же Ванька-то? (Ванька был брат Аграфены, а Аграфена была пропита, образована за Павла, сына Семена).

– В Москву, шелудивый, ушел, тоже на место поставили.

– Ну! – отозвался Семен. – Что же, велела Павлушку проведать? Соскучилась, я чай?

– Что мне твой Павлушка? Очень он мне нужен. Ну его к лешему. Сворачивай, что ль!

Девка нахмурилась и покраснела.

– Эка ты щекотлива, погладиться не дастся. Что гневаешься? Хозяин не пущает. Дай разговеемся. Он в письме пишет тебе поклон...

Семен объехал.

– Ладно, ладно!

Девка улыбнулась, и всё лицо ее рассияло.

[1]

Задняя лошадь Семенова не заворотила совсем, и заднее колесо было на дороге. Грушка зашла сзади телеги и сильным движением откинула зад вправо. Ее воз прошел.

– Что ж, я не обижаюсь, – сказала она.

– То-то, мы тебя как жалеем.

– Но, стала! – крикнула девка на свою ло-

шадь и, быстро семена загорелыми ногами, догнала ее.

– Ах, хороша девка! – проговорил Семен, покачивая головой. – Ох, Павлушка, мотри! Упустишь – не воротишь.

Семен отпрег на подчищенном дворе, кликнул малого и послал его с лошадьми в денное. Навоз был довожен, но работы было много. Надо было заплести плетень у огорода, надо было картошку пропахать, надо было косу отбить: сказывали, завтра к купцу косить зовут; надо было и решетнику на сарай либо купить, либо выпросить, либо так крадучи взять в лесу; надо было и письмо Павлу писать. Еще дорогой домой он передумал все эти дела и решил лошадей не трогать, заморил уж их, пускай вздохнут, и письмо трудно писать, а за косу взяться, отбить.

Аксинья собрала обедать. Семен перекрестился на икону и сел за стол со старухой матерью, девкой и малым. Похлебав щей, Семен заговорил о Павле.

2

Павел жил конторщиком в Москве на «парфюмерной» (парфюмерной) фабрике, полу-

чал 18 рублей и покамест хорошо присылал; прислал и последний месяц, да обещался по-бывать, а не приехал.

– Уж не заболтался ли? По нынешним временам того гляди. Ослаб народ.

Так толковал Семен за обедом, пережевывая хлеб и картошку. Старуха поддакивала об опасностях теперешних времен. Аксинья весело, бодро служила, присаживалась, ела и живо собирала на стол и со стола, и, радостно подмигивая глазами – а глаза у нее были[2] блестящие, умные,[3] – хвалила сына, улыбалась при одной мысли о нем и ждала от него всего только хорошего.

Разговор о сыне зашел потому, что Семен рассказал про Аграфену, с которой Пашка был образован, и говорил о том, как он думает теперь же, после Петрова, до рабочей поры, женить.

– Хорошее дело, ах, хорошее дело! – говорила Аксинья. – Что ж, пошли ему письмо. Авось приедет. Даве Матрена сказывала, выдали его. Такой щеголь, говорит, ровно[4] барин.

– Что ж, – сказала старуха, отвечая не на

слова, а на мысль, главное, чувства, которые, она знала, поднялись в сердце ее невестки, – чувства нежной любви, главной радости ее жизни – Пашки. – Что ж, – как бы оправдывая Аксинью, сказала она, – малый ничего, хоть всякому отцу лестно. Не буян, не пьяница. Малый, что говорить.

Так говорила бабка и точно одобряла внука.[5]

«Ну его к лешему», – сказала Аграфена Семену. Она считала, что так нужно сказать. Но когда она одна, отпрягши лошадь, пошла с девками купаться, она не переставая думала о Пашке, вспоминая его статную фигуру, усики, веселое лицо, его выходку под гармонию и улыбку, когда он не мог удержаться от удовольствия о том, что может так плясать хорошо. Потом вспоминала, как он на Рождестве, на засидках, подошел к ней, выбрал ее из всех девок и робко и уважительно вытянутыми губами поцеловал ее.

Так думали о Павле в этот день, 15-го[6] июня, в деревне.[7] С Павлушкой же в этот день случилось, казалось бы, неважное событие, но такое, от которого изменилась вся его

П[8]олтора года тому назад отец Павла привез его в город, поладил с евреем, хозяином парфюмерной фабрики, и, оставив ему посланные Аксиной рубахи и жилетку, сам уехал.[9]

Павел жил в деревне, руководясь в своей жизни, как живут все в молодые годы и руководствуется в жизни и огромное большинство людей до смерти, только тем, что делали все вокруг него, все его близкие. Если он отклонялся от того, что делали все, то только когда увлекался страстью, но, отклоняясь, знал, что делал дурно, так что считал хорошим то, что люди считали хорошим, и дурным то, что люди считали таковым. В деревне руководством его поведения был общий деревенский склад жизни: хорошо было не болтаться, а работать и уметь работать, не робеть ни перед чем, быть выносливым, не поддаваться в обиду, ко времени и повеселиться и выпить можно, и поругаться, и подраться, если не выдержишь. «Кто богу не грешен, царю не виноват». Если выйдет случай пополь-

зоваться от богачей – не зевать, но своего брата не обижать, а по чести. Во всяком же случае об душе и о боге помнить, мало того, что к попу ходить и молитву творить в свое время, но и нищего не отгонять, а помогать по силе, по мочи.

Пока молод – веселись, не грех, но не воруй, не распутничай, не напивайся без времени, а, главное, дело понимай и стариков слушай... Таковы были требования деревни и определения хорошего и дурного. И Павлушка держался их, не разбирая их. Но и в деревне, отдаваясь требованиям окружающих, он по книгам, которые он любил читать и читал, понимал, что есть какая-то другая жизнь, предъявляющая свои какие-то другие требования. Но в чем они состояли, он не мог понять, и эта смутно интересовало его. Читая всё, что попадало ему, он ждал ответа на этот вопрос, но читанные им книги не давали этого ответа.

Слышал он еще в школе похвалы признанным лучшим русским писателям, от Пушкина и до Чехова, и где мог доставал и читал их и, прочитывая их, испытывал странное чув-

ство недоумения и внутреннего разлада. Один голос робко говорил ему, что тут ничего нет такого важного, главного, объясняющего ему смутного недоумения о том, зачем попы учат тому, что так странно, зачем господа богато живут, не работают,[10] а у соседа Шитняка пала последняя лошадь и в щи покрошить нечего. Но все эти недоумения были смутны, и уж не в глубине души, а громко, явно говорил голос, что, видно, так надо и что недоумение оттого, что я не знаю, не понимаю, как не понимаю катехизис, который учил в школе.[11]

4

Но в Москве очень скоро это успокоение его разрушилось, и вопросы о том, почему сложилась жизнь людей так, что одни люди покупают по три рубля духи, а другие ходят днями не евши, а в церквах звонят колокола и блестят золотом иконы и парчовые ризы, всё чаще и чаще стали приходить.[12]

То, что это так было потому, что так было угодно богу, как толковал это священник, не могло быть правда, – он чувствовал это всей душой, а то, чтобы это было просто оттого,

что богачи были «сволочи», как говорили это пьющие товарищи, он тоже не мог соглашаться. Это было слишком просто. Должно было быть более ясное и разумное объяснение, и его-то он и искал. Но мало того, что он искал его, он смутно боялся этого решения, потому что чуял, что решение это, если оно есть, перевернет всю его жизнь.

Вся жизнь, окружавшая его, представилась ему огромной, сложной загадкой, и разгадка этой загадки сделалась для него постоянно тревожившим его вопросом жизни. И отец и мать (он ее больше всех любил) и Аграфена, невеста, и домашнее хозяйство – всё это занимало его, но всё это было каплей в море в сравнении с тем главным интересом – разгадывания[13] загадки жизни.[14]

Внешняя жизнь его шла, как обыкновенно идет жизнь всех в людях живущих рабочих. Жил он на квартире с земляком. В восьмом часу приходил в контору, садился за счета, внося их в книгу, и за написание накладных и расписок в получении и т. п. Обедал, отдыхал, садился опять за работу, потом уходил домой, читал, писал стихи, очень плохие, но

не знал, что они плохие. По праздникам, когда контора была заперта, ходил <в читальню>, в зоологический сад, иногда в театр. Одевался чисто, любил это, но отцу все-таки посылал больше половины заработка.[15]

Один раз, в субботу вечером, когда он вместе с товарищем по конторе, Николаем Аносовым, выходил из конторы, Аносов сказал ему:

– Вот ты охотник до книг, а читал «Царь-го-лод»?

Павел сказал, что не читал.

– Так вот, заходи, у меня есть; пожалуй, дам.

Павел взял книжки и всю ночь читал их. Перед утром заснул. Проснувшись, хотел по привычке перекреститься, но вспомнил то, что он прочел, улыбнулся сам с собой и стал повторять в себе то, что он прочел и что было началом разгадки той загадки, которая так неотвязчиво мучала его.

5

Вскоре после этого Аносов[16] ввел Павла в союз рабочих, где Павел познакомился с целями их деятельности. Мало того, что ясно было признано и доказано умными учеными

людьми, что существующее устройство жизни нехорошо, несправедливо, возмутительно, было найдено средство исправить всё, и мало того: дана возможность участия в этом исправлении.

И Павел весь отдался этому делу. Он перечитал все книги: и «Хитрую механику», и Кропоткина, и Реклю.[17]

И в душе Павла всё переменялось. В сущности, было то же, что было в деревне. Разница была только в том, что там он руководился тем пониманием жизни, которое там было обще всем, теперь он руководился тем, которое здесь было обще окружавшим его. Еще разница была в том, что там он не радовался на себя, не был доволен собою; здесь же он не мог не радоваться на себя и не быть довольным. Но зато там он не испытывал недобрых чувств к людям, даже приказчика, оштрафовавшего его отца за лес, он не ненавидел, а признавал, что тот сделал то, что по его должности нужно, и не ставил себя на место барчука, пролетавшего мимо него на велосипеде, — почему-то считая, что так это должно быть. Теперь же он не мог не спрашивать се-

бя, почему не он едет с этой дамой на рысаке, а тот, с усиками кверху, и чувствовал недоброе чувство к этому господину с усиками. Третье было то, что там он ничего не ожидал от всей жизни, а всё только от себя, здесь же была надежда, даже уверенность, что всё это вот-вот переменится, и в этой перемене он будет одним из участников, пожалуй, что и главным: были же руководители из рабочих.

6

Так жил он до 15-го июня, всё дальше и дальше погружаясь в эти мысли и чувства и всё больше и больше забывая о деревне и Аграфене.

Целомудрен он был и в деревне, также воздержан он был и здесь, весь поглощенный мыслью о революции. В деревне он был целомудрен, потому что считалось дурным распутничать.[18] Когда при прощании Аграфена сказала ему: «Теперь забудешь меня с московскими кралями», он сказал: «Буде язык чесать попустому; сказал – тебя одну люблю, тебя и буду любить». Теперь в Москве он, вспоминая это, улыбался сам на себя, и ему странно было любить безграмотную Грушку. Он думал те-

перь о духовной связи с интеллигентной женщиной и ради этой связи и революционного дела хотел быть и был целомудрен.

15-го июня Павел, уходя вечером из конторы, натолкнулся на улице на бывшего товарища по конторе и товарища по фракции рабочей организации, членом которой уже с нового [года] состоял Павел, Николая Аносова, веселого, разбитного парня, считавшегося очень умным, начитанным и смелым товарищем. Первым словом Аносова было:

– Я к тебе, Паша. В контору не хотел идти. Ну его, эксплуататора, еврея. А до тебя дело и важное и хорошее.

Павел пошел с ним, и дорогой Аносов рассказал Павлу, что в их фракции (он с особенным удовольствием пользовался всяким случаем говорить такие слова) решено для покупки типографии – а типография нужна для пропаганды – делать экспроприации. И в этом должны участвовать все сознательные рабочие. А так как Павел считался таким сознательным членом партии, то он предлагал ему с ним вместе сейчас же идти в комитет рабочей ассоциации, где будет решено, как и

где совершить экспроприацию. Павел,[19] слушая Аносова, едва держался от волнения и восторга. Он думал не о том, что ему предстоит, не о том, что такое экспроприация. Он знал, что это делают. И этого было довольно. Стало быть, это хорошо. Он краснел и бледнел от восторга, слушая Аносова. Главное, самое важное было для него то, что он вступал в прямое общение с вожаками революции, что он мог участвовать в освобождении народа, мог действовать. Аносов звал его сейчас же. Но Павлуша сказал, что ему надо забежать домой по делу, но что через три четверти часа будет на Бронной.

7

Павел пошел скорым шагом домой, не чувствуя себя от восторга, что он уже член, что будет участвовать, покажет себя. И рядом с этими мыслями он подумал о том, что для того, чтобы в первый раз войти в общение с этими необыкновенными людьми, надо произвести на них хорошее впечатление. А для произведения этого впечатления нужен *костюм*, как он называл это. И у него был такой пиджачок небрежный, короткий и, главное,

брюки, узкие, хорошо обрисовывавшие ноги, которые ему особенно нравились. Он быстро дошел до дома, переоделся, посмотрелся в зеркало, поправил усики, причесался и большим шагом пошел на Бронную.

8

Владимир Васильевич Антипатров, бывший студент 5-го курса медицинской академии, присужденный к каторге за участие в бунте рабочих, бежавший с каторги за границу и возвратившийся в Россию под другим именем, летом 1906 года приехал в Москву, чтобы вербовать рабочих в партию социал-революционеров.[20]

История Владимира Васильевича была такая. Сын дьякона, он в семинарии еще обратил на себя внимание и начальства и товарищей необыкновенно блестящими способностями, честностью, правдивостью и большой наружной не красотой, но привлекательностью. Улыбка у него была такая заразительная, что самый серьезный, огорченный человек не мог удержаться от ответной улыбки. Родители его с большими хлопотами добыли ему место священника при условии женить-

бы на дочери старичка деревенского священника. Сколько он ни убеждал отца, что он не годится в священники, сколько ни упрашивал мать, родители сердились, обещались проклясть его. Владимир решил избавиться другим способом. Он поехал к невесте и прямо объяснился с ней, сказал, что он не верит в церковь, не имеет любви к ней, что поэтому его вступление с ней в брак и на место священника было бы подлостью, гадостью. Простая, добрая девушка сначала огорчилась, но потом была побеждена прелестью улыбки и правдивостью жениха и решила расстроить свадьбу. Всё так и сделалось. Владимир уехал из дома без копейки. Отец только больше ругал его и не позволил матери помочь сыну.

В университетском городе Владимир обратился к бывшему преподавателю семинарии, тот достал ему уроки, и Владимир, перебиваясь уроками, поступил в медицинскую академию. Тут началась его революционная деятельность. Вызвана она была преимущественно той поразительной противоположностью, которую он не мог не чувствовать не только между безумной роскошью тех семей,

в которых он давал уроки (из таких семей была особенно поразительна одна, где он готовил в гимназию очень глупого мальчика), но, главное, той противоположностью утонченных научных знаний и ужасного по грубости и непоколебимости суеверного невежества и его отца, дьякона, и товарищей семинаристов, и, главное, масс народа. Главным, единственным двигателем его в революционной деятельности было желание просветить народ, избавить его от того невежества, поддерживаемого церковностью, при котором он не мог не подпадать власти всех тех, кто только хотел пользоваться ею.

9

С начала своей деятельности Владимир Васильевич жил все последние 5 лет своей жизни, не имея никаких личных желаний, весь отдаваясь своему делу. Не говоря уже об удобствах жизни, о радостях женской любви, он всякую минуту был готов отдать свою свободу, жизнь во имя той цели, которую он преследовал. Он берег себя, скрывался от своих врагов, но делал это не для себя, для своей личности, а для дела, великого общего дела

избавления народа от матерьяльного и духовного ига. Удобств жизни он не знал и не хотел знать никаких. С женщинами, и с очень многими, у него были самые близкие отношения, но настолько целомудренные и деловые, что, несмотря на то, что и Юлия Кравцова и Атансон были обе влюблены в него, он, хотя и подозревал это, не позволял и самому себе сознаться в этом.

10

Теперь в Москве он жил у одного товарища, бывшего артиллерийского офицера, и у него же устраивал собрания. На последнем собрании, в начале июня, был и Павел. Речь на собрании шла о необходимости приобретения денег для покупки типографии. Аносов <бывший на собрании> веселым...

<ПАВЛУША>

Драма ДЕЙСТВИЕ I

Небольшая комната, бедно меблированная. Стол посередине, вокруг стулья. Самовар без скатерти. В комнате хозяйки сидят у стола: 1) Аронсон, Анна Осиповна, красивая брюнетка, курсистка; 2) ее подруга Мария Иванов-

на Шульц, серьезная блондинка,[21] фельдшер-рица; 3) Разумников, бывший офицер, в русской рубашке и высоких сапогах, высокий, сильный, красивый; 4) Алмазов, Николай Гаврилович, бывший студент 5 курса медицинской академии, решительное, умное, насмешливое лицо, худой, среднего роста; 5) Шам, эстонец, плотный, молчаливый; 6) Матвеев, 22-летний крестьянин, горячий, с блестящей сильной речью.

[ЯВЛЕНИЕ 1]

Шульц (*подает стакан чая Разумникову*). Да полноте спорить. Ведь решено большинством, что экспроприация необходима.

Разумников (*горячо*). Да я не спорю, я только говорю, что как нашим правителям, если им нужны казни, надо самим вешать, а не принуждать людей чуждых, не нуждающихся...

Алмазов (*с тонкой, насмешливой улыбкой доканчивает его речь*). Так, мол, и нам, если мы хотим экспроприаций (точно как будто мы хотим), то подобает, мол,[22] и нам самим заниматься этим приятным делом, предоставив вот хоть Шаму или столь уравновешен-

ному, практическому юноше, как тонкий дипломат Юзя (*указывая на Матвеева*), вести самое дело, переписку, организацию, печатание и т. д.

Разумников. Я говорю, что риск этого дела нельзя наваливать на других.

Алмазов (*раздражаясь*). Говорить про это можно бы было, если бы ваш покорный слуга сидел бы в безопасности, а то, кажется, риск для всех один. Тут простое разделение труда.

Аронсон (*с горячностью*). Ну, вам не нравится, не делайте. А упрекать – кого же? Николая Гавриловича, который всё отдал и отдаёт жизнь.

Шульц. Да будет спорить, пейте чай.

Разумников. Я высказал свое мнение, а вы делайте, как хотите.

Матвеев. Риск. Мы рады опасности. Мы жизнь готовы отдать и только рады случаю показать свою искренность. Только скажите мне, что делать. Хотя бы на верную смерть – с радостью пойду. И знаю, что Павел Бурылин такой.

Шульц (*улыбаясь*). Ну, загорелся Юзик.

Матвеев. Вы ведь не знаете, что такое наш

брат мужик или фабричный, когда вдруг в темноту его ворвется свет. Надо знать эту темноту, думать, как мы думали, что эта темнота нормальна, думать, что так и надо, чтобы мужик, рабочий голодал и считал бы за милость, что ему дают работу на чужой земле или на чужом капиталистическом устройстве, и вдруг...

Алмазов (*переглядывается с Аронсон и Шульц*). Верно, верно.

Матвеев. Да, думать так, жить в гробу, и вдруг понять, что этого не должно быть, что должно быть совсем другое, что не мы, рабочие руки, должны зависеть от капитала, а капитал от нас...

Алмазов. Это всё так. Но вы хотели сказать про Бурылина...

[Вместе]:

Разумников. Он мне очень понравился.

и

Шульц. Редко симпатичный юноша.

Матвеев. Да, про Бурылина. А то, что он теперь находится именно в этом экстазе прозрения. Я вчера говорил с ним. Он весь горит. И

чем больше узнаёт, тем больше ему хочется узнать. А главное – хочется делать, не говорить, а делать. На то мы и мужики...

Все смеются.

Алмазов. Понимаю, понимаю.

Аронсон. Бурылин и Аносов ждут внизу. Что ж, позвать их? Как решили?

Алмазов (*ко всем и преимущественно к Разумникову*). Как же, товарищи? Поручим это Бурылину и Аносову? И если да, то позвать их и передать.

Разумников. Я высказал свое мнение.

Аронсон. Да ведь вы знаете, что типография куплена, что нужны эти деньги, что их нет и что дело это и необходимое и срочное.

Разумников. Я высказался.

Алмазов (*обращаясь ко всем, кроме как к Разумникову*). Согласны, господа, поручить Бурылину с Аносовым экспроприировать, сколько могут, у хозяина парфюмерной фабрики? (*Все выражают согласие.*) Большинство согласно. Юзя, зовите их. (*Матвеев уходит.*)

[ЯВЛЕНИЕ 2]

[Те же без Матвеева.]

Алмазов (к Аронсон).[23] Какой огонь и как умен!

Аронсон. Да, ваш воспитанник. Вы хоть кого разожжете.

Шульц (к Разумникову). Я, пожалуй, и согласна с вами, но не хочется отделяться.

Шам. Надо помнить первое – дело, первее всего. Всё оставить, только дело.

Разумников. Да, но не в ущерб другим.

Шам. Зачем щерб?

ЯВЛЕНИЕ 3[24]

Те же и Аносов и Бурылин входят, здороваются со всеми за руку.

Шульц (к Павлу). Садитесь, вот сюда. (*Усаживаются. Молчание неловкое.*)

Алмазов (к Павлу). Ваш товарищ по службе, а наш по убеждениям и делу сообщил нам, что вы разделяете наши убеждения и что вы желаете содействовать нам.

Павел (*в волнении*). Я на всё, на всё готов. Я теперь понял не то, что...

Алмазов. Дайте мне договорить. Так я сказал: желаете[25] содействовать нам. Это, разумеется, для нас желательно, с нами солидарны[26] уже не сотни, а скоро тысячи рабочих,

но чем больше, тем и вернее успех нашего дела, но мы должны предупредить вас, что для успеха нужны и энергия и выдержка, осторожность, тайна, мы окружены врагами.[27]

Павел высказывает длинно, взволнованно всё, что он пережил. Как он был во мраке. Как они, мужики, ничего не понимают. Как попы их обманывают. Как он написал на это стихотворение.

Алмазов, улыбаясь, останавливает его и возвращает к делу.

Павел опять болтает лишнее о том, как ему радостно узнать настоящих людей, таких людей, которые отдают свою жизнь за друзей, за дело, великое дело уничтожения эксплуатации, деспотизма. И с такими людьми он на всё готов.

Алмазов дает поручение и спрашивает, как он думает сделать это.

Аносков (*вступает и предлагает план – рано утром войти в контору, сломать замок и уйти*). Очень просто, как пить дать. И не пахнет. А там тысяч 10 верных.

Павел. Десять не десять, а 7 должно быть.

Всё это было 16 июня. 17 же июня, в тот самый день, когда отец Павла встретился с Аграфеной и Аграфена и мать Павла так любовно поминали о нем, в этот самый день ранним утром Павел вместе с Аносовым исполнял сделанное ему революционным комитетом [поручение] экспроприации своего хозяина.[28] Хозяин фабрики, крещеный еврей, Михаил Борисович Шиндель, в этот день пришел несколько раньше обыкновенного в контору, так как это был день выдачи денег рабочим. Вечер накануне 17-[го] Шиндель провел у литератора, знакомством с которым Шиндель особенно дорожил и гордился. Литератор работал в кадетской либеральной газете и любил Шинделя и как единомышленника и как приятного знакомого. На вечере был проездом один бойкий и даровитый член думы, обновленец консерватор, и вечер в очень оживленных политических спорах, в которых и Шиндель принимал участие, затянулся очень долго: речь шла о многом и, между прочим, о положении рабочих. Шиндель, как человек, имеющий дело с рабочими, отстаивал их право собираться в союзы, высказывая

свои требования, и даже за мирные стачки. Он видел, что такое его, независимо от положения фабриканта, мнение нравилось и вызывало уважение, и ему это было очень приятно.

Проснувшись рано, чтобы идти в контору, он повторял в памяти вчерашний разговор и свои слова, и ему это было приятно. С такими приятными мыслями он[29] вышел из своей квартиры, соображая о том, достанет ли у него денег для расплаты с рабочими и за принятый на неделю в кредит товар. Он подходил к конторе.

– Надо будет спросить у Бурьлина (у Павла), – подумал он. И он при мысли о Бурьлине тотчас же вспомнил о том, что он говорил вчера, именно имея в виду Павла, доказывая умственное и образовательное развитие и нравственность рабочих.[30]

– К удивлению его, контора была отперта.

15

Войдя в приемную, он увидал в ней Бурьлина. Это не удивило его. Поздоровавшись с ним, он снял с гвоздя ключ и хотел пройти в проходную, темную, которая вела в кабинет,

как вдруг Бурылин с странным видом решительно подбежал к нему и, схватив одной рукой за борт пальто, другой вынул револьвер и наставил в грудь.

– Ключи от кассы! – взвизгнул Бурылин.

– Что, что такое?

– Ключи! Деньги!

– Бурылин, что вы? – обратился Шиндель к Павлу.

– Скорее, скорее давайте, что есть. Я знаю, там 7000...

– Ай-яй-яй! Что это? – говорил Шиндель, доставая ключи.

Не успел Шиндель отдать ключи, как из-за двери выскочил

Аносов и, тоже с револьвером, схватил за ворот Шинделя. Павел схватил ключ и, войдя в кабинет, отпер кассу, откинул крышку. Аносов держал револьвер, уставленный на Шинделя. Павел достал деньги, положил в карман.

– Молчать, а то... – сказал еще раз Аносов, задом отступая к двери. Дойдя до двери, оба вышли на двор. Павел хотел бежать, но Аносов остановил его.

– Шагом, – шепнул он ему.

Не дошли они до ворот, как Шиндель с отчаянным криком выскочил из двери и закричал:

– Держи!

Тогда оба побежали, но дворник перехватил их. Аносов обратился к хозяину, направив на него револьвер. Павел же, не дав добежать, [31] столкнулся с дворником, перерезав ему дорогу. Думая испугать дворника, выстрелил раз и два через плечо дворника. Аносов подбежал.

– Стреляй ты, – сказал Павел, – я не могу, – и пустился бежать по переулку. Но навстречу бежал народ. Павел вбежал в пустой двор, но не успел оглянуться, как уже толпа людей навалилась на него и начала бить как попало.

16

– **Ч**то ж это? Что это? – говорил себе Павел, не понимая ничего, когда он, избитый, измученный, обливающийся потом, без шапки, в растерзанной одежде, сидя на заднице, локтями отклонял удары по разбитому уже, с подбитым глазом лицу, по которому его старался бить дворник соседнего дома. Опоминаться стал он только тогда, когда го-

родовые отогнали бивший его народ и, подняв его, повели его куда-то. В голове его мелькали мысли то о том, зачем он не побежал в ту сторону, куда пустился Аносов, то зачем он не выстрелил в татарина-дворника, и упрекал себя за это, то вспоминалось, как он исполнил то, что обещал Владимиру Васильевичу, и что виноват в неуспехе не он, а Аносов, так долго возившийся с хозяином. Мысли эти перебивались впечатлением о боли от побоев и воспоминаниями об испуганном лице хозяина и таком же лице татарина. Да, надо было не бояться. Взялся за гуж, надо было не мимо, а в него стрелять, думал он. Ведь не для себя, а для спасения народа делалось то, что делалось. Мелькнула мысль о доме, о матери, но мысль эта была так несообразна с тем, что было здесь, что она тотчас же забылась.

В части его заперли в отдельную клеть, а в обед перевели в большую тюрьму и оставили одного. <И он стал передумывать всё, что с ним было со вчерашнего вечера>.

17

Со вчерашнего вечера было с ним вот что. На заседании союза было решено похи-

тить деньги с вечера с помощью Лункина и еще двоих. Для этого получены[32] были от Лункина два револьвера, обоймы с зарядами и круглая штука – бомба.

Решено было сделать[33] это в тот же вечер, но когда Павел с Аносовым вышли из квартиры, где было заседание, он вдруг сказал:

– Нет, не могу нынче.

– Боишься?

– Я боюсь? – улыбаясь, сказал Павел. – Что другое, а я не побоюсь, только нынче не могу.

– Ну, а завтра? – сказал Аносов.

– Завтра можно.

– А коли можно, так и не нужно нам никого, а одни сделаем.

И Аносов рассказал свой план. План состоял в том, чтобы[34]

ПЛАНЫ И ВАРИАНТЫ

КТО УБИЙЦЫ? ПАВЕЛ КУДРЯШ

* № 1 (рук. № 2).

<УБИЙЦЫ> НЕТ ВИНОВАТЫХ

Они все восемью уже 2-й месяц сидели в тюрьме и ждали суда и решения. Решение могло быть только одно: насильственная смерть – <удавят за шею веревками>. Преступление их состояло в том, что они были уличены в намерении убить взрывом бомбы считавшегося ими очень дурным и вредным человека, называвшегося «великим князем». Сидели они уже 2-й месяц, свидания между собой не допускалось, не допускалось и свидания с родственниками, не допускалось и общение с другими заключенными, но начальники тюрьмы, их помощники, надзиратели, сторожа, часовые солдаты были люди и притом русские люди, не совсем еще, но только временно одуренные, и потому необходимые сведения и не только сведения, но выражения чувств передавались и друг от друга между заключенными, а также и из

внешнего мира. Известие, полученное 5 октября из верхнего этажа тюрьмы, спущенное на нитке, было особенно важное. На 22, то есть через две недели, был назначен суд надо всеми тут же в Петербурге.

Первый узнал об этом Петр Подборский, считавшийся начальством как административным, так и судебским и тюремным – главою, руководителем всего дела. И начальство не ошибалось в этом. Если не он, а скорее Аркадий Сенцов был духовным руководителем, сплочавшим всех восьмерых в одну душу, то несомненно то, что руководителем самого дела был Подборский. Как на воле, так и в тюрьме он, не так, как говорится, все, а действительно все свои силы и ума, и знания, и ловкости, и выдержки он употреблял на то дело, которое он раз решил, что нужно делать. Дело это, не общее дело (общее дело состояло в том, чтобы вывести русский народ на определенный и твердый путь свободы), а дело частное, в данное время составлявшее только часть общего дела, когда он был на воле, вне тюрьмы, было в том, чтобы, уничтожив одного из самых вредных членов правительства, на-

гнать этим страх на это правительство с тем, чтобы добиться от него тех первых уступок, которые нужны были для дальнейшей деятельности. В этом было то дело, которое он вел, будучи на воле, и он вел его с удивительным спокойным, неустанным расчетом, и не удалось оно не по его вине; теперь же ему предстояло другое дело: освобождение себя и товарищей от тюрьмы, и он вел его также вдумчиво, внимательно и упорно, и в те полтора месяца, которые он сидел, достиг в этом деле уже значительного успеха. У него уже установилось посредством подкупленного сторожа общение с друзьями на воле и вырабатывался план их освобождения в то время, как их повезут на суд. Корреспондент его был узник верхнего этажа. У этого узника, тоже политического, были свидания с родными и через них получались сведения.

По особенному стуку в потолок он узнал о том, что надо дожидаться посылки, и тотчас же, открыв форточку, приготовился ловить записку. Записка долго не давалась, отгоняемая ветром, но все-таки [он] успел ухватить ее, хотя не большим с указательными пальца-

ми, но указательным и средним, и осторожно потянул ее к себе. Записка в руке, в форточке, в камере. Он подносит к лампе: «Суд 22. Готовятся. Ждите».

Подборский сел на койку, глубоко вздохнул и стал думать: 22. Казанская – праздник. И хорошо и дурно, – думал он.

17 дек.

*№ 2 (рук. № 4).

ДЕЙСТВИЕ I-Е

Действующие лица: Вл. Вас. Разумников, бывший офицер, 30 лет, в летней поддевке и картузе, и Павел в элегантном пальто и шляпе.

ЯВЛЕНИЕ 1-е

Александровский сад. На скамейке сидят Разумников и Павел и разговаривают. Мимо ходят гуляющие. Когда проходят близко, Разумников замолкает, но Павел не может удерживаться, говорит.

Разумников. <Всё дело в том, чтобы захватить все капиталистические предприятия: фабрики, заводы.>

Павел. А земли? Первое дело земли.>

Разумников. Земли, разумеется, но главное

дело согласиться, чтоб всем дружно действовать, а для этого нужно, чтоб народ понимал.

Павел. <Всё это верно сказано>. Истинная правда. Только бы понимал народ, и мужик, и фабричный, <что в нас сила, конец бы богачам, дармоедам, это верно>.

<Только одно: попы. Не понимает ведь народ>. *(Проходят гуляющие дама с мужчиной)*.

Мужчина. Тут совсем недалеко, позвольте я провожу...

Разумников. Для этого нужно толковать *(останавливается, пока проходят)*, образовывать народ, раздавать книги, <прокламации>. Вот вы в своей деревне.

Павел. <Я готов>. Я <теперь понял всё дело> на всё готов, я свет увидал. Только еще одно я хотел спросить: как же теперь с церквами, с попами, <народ держится за них>, у меня родители...

Разумников. А вы как? Верите в их учение?

Павел. Я? *(Пожимает плечами.)* Я когда и учился закону божию в школе, <сомневался> я понимал, что что-то тут не то; <теперь и во все не верю>. А только не могу я всего отвергать. Ну, а как же теперь пророчества, мощи?

Как вы скажете?

Разумников. Скажу вам так. Казалось бы, какая тут важность, верить или не верить в мощи, в чудотворные иконы...

Павел. <Да я и не верю>. Доказывают, что чудеса были. Люди видали.

Разумников. Я только одно скажу, что если верить в чудесное, то уже нельзя <вполне> правильно рассуждать о житейских делах.

Павел. О социальных вопросах?

Разумников. Да, да. Так вот, если вы поняли задачу партии и хотите работать с нами...

Павел. Только давайте работу и в деревне и в Москве. Я теперь вижу весь обман, вижу, что над нами сделано. Пора очнуться.

Разумников. Ну, так приходите в пятницу на собрание с Аносовым. Он[35] проведет вас.

** № 3 (рук. № 10).

[На л. 1:]

1) Судящиеся за покушение на жизнь великого князя сидят ли в одиночках, или могут быть вместе некоторые?

2) Могут ли быть сношения между собою?

3) Могут ли быть получаемы сведения извне?

4) Объявляется ли вперед день суда, или только накануне? И много ли может пройти времени между объявлением о времени суда и судом?

5) Допускаются ли свидания с родными? С какими и как?

6) Могут ли быть сношения с уголовными?

7) Как ведут или везут в суд?

8) В каком помещении суд?

9) Состав и процедура суда.

10) Палач.[36]

На все вопросы желательно иметь ответы: самые подробные, как обыкновенно делается и могут ли быть исключения.

[На л. 2:]

1) При военном суде допускаются ли адвокаты к подсудимому? Как? Где?

2) Описание, если возможно, помещения военного суда.

3) В чем состоит увещание священника о том, чтобы свидетель говорил правду?

4) Палачи кто? Сколько получают?

5) В какой тюрьме в Москве содержатся подлежащие 279 статье? В общей или в одиночной? Дают ли свидания?

6) Как делают бомбы?

7)

Комментарии В. С. Мишина «ПРЕДИСЛОВИЕ К РАССКАЗУ «УБИЙЦЫ» И «КТО УБИЙЦЫ?» ПАВЕЛ КУДРЯШ»

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

МЫСЛЬ о том, что в мире «нет виноватых», положенная в основу замысла рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш», занимала Толстого давно. Еще 3 марта 1863 г. он записал в Дневнике: «Идеал есть гармония. Одно искусство чувствует это. Только то настоящее, которое берет себе девизом: нет в мире виноватых» (т. 48, стр. 53). Осуществить отчасти эту мысль Толстой пытался в «Анне Карениной», где, по словам С. А. Толстой, он ставил своей задачей представить Анну «только жалкой и невиноватой». [37] Роман «Декабристы» Толстой начал писать, также вдохновленный этой мыслью. В письме к А. А. Толстой от 14 марта 1878 г., говоря о работе над этим романом, Толстой замечал: «Надобно, чтоб не было виноватых» (т. 62, стр. 397); а А. А. Толстая в

своих воспоминаниях, касаясь идеи «Декабристов», передает слова Толстого, сказанные им ей в более определенной форме: «Я хочу доказать, – говорил Толстой, – что в деле декабристов никто не был виноват – ни заговорщики, ни власти».[38]

Позднее, в 1908—1910 гг., Толстой пытался осуществить эту свою мысль в двух своих незаконченных произведениях: «Кто убийцы? Павел Кудряш» и «Нет в мире виноватых», представляющих собой как бы два варианта одного и того же произведения, написанных на одну и ту же тему.

Возникновение замысла рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш», судя по тому, что во всех редакциях этого рассказа действие начинается с середины июня 1906 г., не может быть отнесено ранее чем к 1907 г.

В Записной книжке 17 апреля 1907 г. Толстой отметил: «Думаю о психологическом очерке политики, о художественном изображении» (т. 56, стр. 191); и в Дневнике 20 июня того же года: «Теперь хочется написать.... «Руки вверх», пришедшее мне в голову во время игры Гольденвейзера» (т. 56, стр. 45). Возмож-

но, что в данном случае Толстой и зафиксировал замысел рассказа «Кто убийцы?». Во всяком случае, ни в каком другом произведении, кроме упомянутого, Толстой не коснулся отмеченной в записях темы.

1907—1908 гг. были для России временем усиления реакции. «Черносотенный террор свирепствовал во-всю. Царский министр Столыпин покрыл виселицами страну. Было казнено несколько тысяч революционеров».[39]

Толстой, внимательно следивший за событиями в стране, в мае – начале июня 1908 г. написал статью против смертных казней, озаглавленную «Не могу молчать» (см. стр. 83). Собирая материал для статьи и обдумывая ее, Толстой одновременно задается мыслью написать и художественное произведение на тему о революционерах и борьбы с ними правительства, используя для этого возникший у него замысел рассказа.

6 мая 1908 г. Толстой, в связи с разговором о казнях, сказал: «Мне вот именно, если бог приведет, хотелось бы показать в моей работе, что виноватых нет. Как этот председатель суда, который подписывает приговор, как

этот палач, который вешает, как они естественно были приведены к этому положению, так же естественно, как мы теперь тут сидим и пьем чай, в то время, как многие зябнут и мокнут».[40]

До декабря 1908 г. Толстой не пытался осуществить свой замысел. 14 декабря он записал в Дневнике: «Думаю о художественном, и как будто нарождается» (т. 56, стр. 163); а С. А. Толстая 16 декабря отметила в своем «Ежедневнике»: «Лев Николаевич.... усиленно собирает материал о казнях, о революционерах, о процессах и т. п. Зачем? Еще не знаю» (ГМТ).

Материалы эти нужны были Толстому для его рассказа, который он начал писать 17 декабря, то есть на другой день после записи С. А. Толстой. 18 декабря он занес в Дневник: «Перебираю художественное. Казалось бы, могу. Написал очень озлобленное предисловие и негодящееся начало» (т. 56, стр. 165).

Толстой написал предисловие, озаглавив его «Предисловие к рассказу «Убийцы», и начал рассказ именно под этим заглавием, но потом изменив его на «Нет виноватых». Однако, написав три страницы, Толстой прервал

работу и, поставив дату «17 декабря», рядом пометил: «Опять не то». Как предисловие, так и начало рассказа в этой редакции дальнейшей обработки не получили (см. вариант № 1).

Очевидно, в конце декабря Толстой начал рассказ в новой редакции.

27 декабря Толстой записал в Дневнике: «Художественная работа в голове ясна, но нет охоты писать» (т. 56, стр. 167); 28 декабря: «Хотел писать «Погибшие», но не пошло. А есть, есть что сказать» (т. 56, стр. 168); 29 декабря: «В первый раз, хотя и плохо, но охотно писал – не знаю, как назвать? Может быть: *Нет виноватых*. Могу себе представить, вижу возможность и с удовольствием» (т. 56, стр. 168); и 30 декабря: «Начал было писать «Невиноватых», но не пошло» (т. 56, стр. 169).

Написанное Толстым за это время начало рассказа являлось первой черновой редакцией первых десяти глав публикуемого текста рассказа. Текст первой редакции был значительно короче публикуемого. Позднее, пересматривая его, Толстой дополнял вставками как внутри самой рукописи, так и на отдель-

ных листах (см. описание рук. №№ 3, 6 и 8). Рассказ был озаглавлен Толстым, очевидно, позднее: «Убийцы. Павлуша Кудряш».

5 января Толстой вновь взялся за «Павлушу», начав писать в драматической форме. С. А. Толстая отметила в своем «Ежедневнике» под этим числом: «Лев Николаевич писал что-то в драматической форме. Он ищет, всё не найдет того тона, который бы ему нравился. Уже есть несколько начал художественной работы» (ГМТ); а Толстой 6 января записал в Дневнике: «Вчера показалось, что могу писать художественное. Но не то. Нет охоты. Нынче совсем не могу. Да и не надо» (т. 57, стр. 5).

Это начало рассказа, написанное в драматической форме и представляющее собой диалог Павла с революционером, бывшим офицером Разумниковым, в Александровском саду в Москве, Толстой не стал продолжать и в дальнейшем к нему не возвращался (см. вариант № 2). 8 января он отметил в Дневнике: «Пытался продолжать «Павлушу». Не пошло» (т. 57, стр. 6); 10 января: «Вчера писал почти с охотой, но плохо. Не стоит того, чтоб делать

усилия. Нынче совсем нет охоты, и вчерашнее кажется слабым, просто плохим» (т. 57, стр. 7).

Между 8 и 10 января Толстой повторил попытку писать драму «Павлуша», начав первое действие с собрания революционного кружка в квартире курсистки Аронсон. Однако, написав два явления и начав третье, Толстой прервал работу, пометив под написанным: «Не идет, глупо. Не могу».

Очевидно, в это же время Толстой пытался исправлять написанное ранее в форме рассказа и сделал в этот вариант значительные вставки (см. описание рук. № 6).

С. А. Толстая переписала как начало драмы «Павлуша» во второй редакции (рук. № 5), так и черновики первых десяти глав со всеми дополнениями (рук. №№ 3 и 6). Об этом она отметила в своем дневнике 14 января: «Сегодня я вступила в прежнюю должность – переписывала новое художественное произведение Льва Николаевича, только что написанное. Тема – революционеры, казни и происхождение всего этого. Могло бы быть интересно. Но те же приемы – описания мужицкой жизни.

Смакование сильного женского стана с загорелыми ногами девки... И, вероятно, дальше будет опозтезирована революция, которой, как ни прикрывайся христианством, Л. Н. несомненно сочувствует, ненавидит всё, что высоко поставлено судьбой и что – власть. Буду переписывать дальше».[41] В своем «Ежедневнике» С. А. Толстая отметила, что начала «переписывать Льву Николаевичу» 11 января, а кончила 15 января.

К просмотру переписанного (рук. №№ 7 и 8) Толстой приступил, видимо, 20 февраля. В этот день он записал в Дневнике: «Взял было Павла, перечитал. Могло бы быть недурно, но нет охоты» (т. 57, стр. 29) и 21 февраля: «Попробовал «Павла». Вижу возможность» (т. 57, стр. 29). Толстой попытался дописать конструктивно окончание первого действия драмы «Павлуша» (см. рук. № 7), излагая в повествовательной форме содержание реплик действующих лиц. Однако, написав с полстраницы, он прервал работу. Во вторую переписанную рукопись (№ 8) Толстой внес лишь незначительные исправления.

Между тем Толстой не оставлял мысли

продолжить рассказ. Повидимому, отказавшись от драматической формы, но дорожа содержанием написанной части первого действия драмы «Павлуша», Толстой по ходу развития событий рассказа включил написанную часть драмы вслед за первыми десятью главами рассказа публикуемого текста (пока еще не разбив этот текст на главы) и стал писать продолжение в повествовательной форме.

25 февраля Толстой записал в Дневнике: «24-го хорошо писал Павла. Может выйти. Очень много хорошего и полезного можно сказать» (т. 57, стр. 30). В этот прием работы Толстым были написаны главы 14—17 публикуемого текста рассказа. Тогда же, очевидно, при просмотре рукописей рассказа, Толстым было произведено и разделение его на главы красным карандашом. Вслед за десятью первыми главами, написанными в повествовательной форме (рук. № 8), он отметил две главы — 12 и 13 (гл. 11, очевидно, пропустил ошибочно) в драматическом отрывке (рук. № 7) и главы 14—17 в последней рукописи (№ 9). В драматическом отрывке Толстой произвел де-

ление на главы не по формальным признакам (в данном случае – явлениям), а по содержанию (см. описание рук. № 7), что свидетельствует о намерении Толстого переработать эту часть в форме рассказа.

Однако в дальнейшем Толстой больше не приступал к работе над рассказом, получившим в последних рукописях заглавие «Кто убийцы? Павел Кудряш». 24 апреля 1909 г. он начал писать на ту же тему повесть «Нет в мире виноватых», оставшуюся также незаконченной (см. т. 38).

Между тем рассказ «Кто убийцы?» продолжал интересовать Толстого, и он неоднократно выражал желание писать его. Свидетельством этому являются его записи в Дневнике – 16 марта: «Очень многое хочется писать.... и Павла» (т. 57, стр. 38); 3 апреля: «Хочется писать.... и Павла» (т. 57, стр. 45); и запись в дневнике Н. Н. Гусева 7 апреля, где Гусев, рассказывая о своей поездке из Ясной Поляны в Москву, сообщает о поручении, данном ему Толстым, зайти к знакомому присяжному поверенному, чтобы узнать «некоторые подробности совершения смертных казней».

«Подробности эти, – поясняет Н. Н. Гусев, – нужны Льву Николаевичу для задуманного и частью уже начатого им художественного произведения. Лев Николаевич сам начал было записывать на бумаге те вопросы, по которым ему нужно иметь сведения, но потом оставил это и просто просил узнать как можно больше подробностей».[42]

Кроме того, о неослабевавшем интересе к рассказу говорит и запись в дневнике А. Б. Гольденвейзера, который передает, что Толстой, уезжая 2 сентября 1909 г. к В. Г. Черткову в Крекшино, захватил с собой «довольно большую тетрадку с заглавием «Павел»».[43]

Впервые первые три главы рассказа «Кто убийцы? Павел Кудряш» были опубликованы в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, т. III, М. 1912, и полностью рассказ с предисловием – в «Посмертных художественных произведениях» Л. Н. Толстого, изд. И. П. Ладыжникова, т. III, Берлин 1912.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСЕЙ

1. Автограф. 1 л. F° (из блокнота). Лицевая сторона занята началом рассказа «Роженица»; оборот листа занят предисловием, озаглавленным Толстым: «Предисловие к рассказу «Убийцы». *Начало:* «Не могу молчать и не могу». *Конец:* «их обличения».

2. Автограф. 2 лл. F° (из блокнота). Заглавие: «Убийцы. Нет виноватых». *Начало:* «Они все восемеро». *Конец:* «И хорошо и дурно, думал он». Под текстом дата Толстого: «17 дек.» и его помета: «Опять не то». На обороте л. 2 начата новая редакция рассказа (см. описание рук. № 3).

Текст автографа печатается в вариантах под № 1.

3. Автограф. 6 лл. F° (из блокнота). Заглавие: «Убийцы. Павлуша Кудряш». *Начало:* «Это было <17> 3 июня 1906 года». *Конец:* «Аносов, бывший на собрании веселый».

Текст этой редакции рассказа начинается на последней странице рук. № 2.

4. Автограф. 1 л. F°. Заглавия нет. *Начало:* «Действие 1-е. Действующие лица». *Конец:*

«Он <покажет> проведет вас».

Печатается в вариантах под № 2.

5. Автограф. 2 л. F° (из блокнота). Заглавие: «Павлуша. Драма». *Начало*: «Действие 1. Небольшая комната». *Конец*: «мы окружены врагами». Под текстом помечено: «Не идет, глупо. Не могу» и затем, очевидно позднее, зачеркнуто. Вслед за этим текстом написано окончание вставки в рук. № 3 (см. описание рук. № 6).

6. Автограф. 4 л. почтового формата. Вставка в рукопись № 3 к главам 5—7. *Начало*: «Вскоре после этого». *Конец*: «что будет участвовать». Продолжение этой вставки со слов: «покажет себя» и кончая: «пошел на Бронную» (конец гл. 7) дописано в конце рук. № 5.

Рукопись вложена в обложку с надписью Толстого: «Черновое и ненужное к Павлу».

7. Копия рук. № 5 рукой С. А. Толстой. 8 л. 4°, исписанных с одной стороны. Заглавие: «Павлуша. Драма». *Начало*: «Действие I. Небольшая комната». *Конец*: «а 7 должно быть». Исправлений Толстого в тексте нет. Рукой Толстого дописано окончание на л. 8.

Повидимому, позднее, при работе Толстого

над рук. № 8, в продолжение разбивки на главы рук. № 8 (10 глав) Толстой по содержанию проставил главы красным карандашом и в рук. № 7. В явлении 1, после реплики Разумникова: «Я высказался», проставлена глава 12; а перед дописанным окончанием – глава 13 (глава 11, очевидно долженствующая быть в начале 1-го действия, не проставлена).

8. Копия рук. №№ 3 и 6 рукой С. А. Толстой, с небольшими исправлениям автора. 23 лл. 4°, исписанных с одной стороны. Заглавие, скопированное переписчицей с рук. № 1, изменено Толстым: «Кто убийцы. Павел Кудряш». *Начало*: «Это было 3 июня 1906 года». *Конец*: «для покупки типографии. Аносов веселый». Текст рукописи разделен Толстым на десять глав красным карандашом. Продолжение этой разбивки Толстой произвел в рук. 7 и 9 (см. описание их).

9. Автограф. 6 лл. почтового формата и 1 отрезок. Заглавия нет. *Начало*: «<Так вот> Всё это б. 16 июня». *Конец*: «План состоял в том, чтобы». Текст разделен Толстым красным карандашом на главы 14—17.

Рукопись вложена в обложку с надписью

рукой Толстого: «Кто убийцы? Павел».

10. Автограф. 2 лл. почтового формата. Содержит вопросы Толстого, переданные Н. Н. Гусеву для выяснения их. Вопросы эти связаны с писанием рассказа «Кто убийцы?».

Печатается в вариантах под № 3.

Текст «Кто убийцы? Павел Кудряш», публикуемый в настоящем издании, составляется следующим образом:

Предисловие – рук. № 1.

Главы 1—10 – рук. № 8 (ошибки переписчицы исправляются по рук. №№ 3 и 6; по этим же рук. печатается зачеркнутый текст).

Главы 11—13 – рук. № 7 (ошибки переписчицы исправляются по рук. № 5; по этой же рук. печатается зачеркнутый текст).

Главы 14—17 – рук. № 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906—1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути — революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудержного террора, которым царское правительство стремилось задушить революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905—1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать народ. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с каждым днем. Настроения пассивизма, непротивления, выразившие слабые стороны взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что страдания крестьянства стали его собственными страданиями.

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих взглядов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории непротивления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и всяческие маски.

Великая роль Толстого-обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г., когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения. Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени революционной России в статье Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение силы и слабости крестьянской революции в эпоху 1861—1904 гг. Он с гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы, беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге

самодержавия, выразителе настроений широчайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое. Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб русской революции «толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».[45]

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного завода говорилось:

«Из душных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национального гения, великого художника, славного и неутомимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему

классу – природа дала своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую ненависть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми силами пыталось (как откровенно признала официальная газета «Россия») пресечь «стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений».[46] Разгул черносотенной травли дошел до таких пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого, а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого. До конца своих дней он остался верен своему

убеждению в том, что необходимо неустанно «обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат». [47] Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам... и пишу не нечаянно, а сознательно...» [48] О том, что он не прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии, Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие». [49] Замечательно сильный, искренний протест, гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с надеждами на возможность отказа власть имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих про-

изведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

[50]

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возраставшим стольпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое общественное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное

нападение на усадьбу землевладельца»[51]. Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением неприимимой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глубоко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения

своих целей», о том, что «представители христианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опроверг обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый протест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещаниями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям, которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротивления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет

Толстой, – что все люди – люди, что все мы слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: *«Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством»*. Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу молчать» была так велика, что перекрывала места, выражавшие слабые, реакционные стороны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, — это выразалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо. [52] Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в рус-

скую тюрьму», если бы этому не мешала его известность как художника.[53]

Марксистская истина, согласно которой ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротivления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать»

и стилистически однообразную, не содержащую ни одного яркого образа статью «Любите друг друга» с ее ложной идеей о том, что «подчиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».[54] Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая рели-

гиозная идея, всякая идея о всяком боженъке, всякое кокетничанье даже с боженъкой...» — особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженъки».[55] В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разоружая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905—1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения

нельзя рассматривать только как противоречия его личной мысли, – такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.».[56] Вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров».[57] А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а

именно, что со всем желанием жить только для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности».[58]

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905—1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы».[59] В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...»[60], но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подготовки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста

и обличителя и, во имя торжества великих идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», уходящую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках

лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1908 г.
между стр. IV и V.

Примечания

Слова: и всё лицо ее *рассияло* *написаны по-
верх зачеркнутого:* и Семен не мог оторваться
от притягивающей красоты этого сияющего
здоровьем и силою веселого лица и могучей
силою всего пряного, широкого женского ста-
на.

[^^^]

2

Зачеркнуто: прекрасные

[^^^]

Зач.: добрые

[^^^]

4

Зач.: студент

[^^^]

5

Зачеркнуто: Отец больше чем одобрял, гордился им. Мать нежно и матерински любила его. Любила его по-своему, по-женски и Аграфена.

[^^^]

6

5 написано по цифре 7.

[^^^]

Зач.: В Москве же в этот день с Павлушей Лукинским <Карякиным> случилось вот что: В контору парфюмерной фабрики Маслакова, где Павел служил <конторщиком> писарем, пришел

[^^^]

8

Зач.: Павел же в это время, живя в Москве, совсем забыл думать о деревне. В душе его в эти первые дни июня шла совсем далекая от деревенских забот горячая и радостная работа.

[^^^]

Зач.: Павлушка и в деревне был одним из лучших учеников и читал всё, что ему попадалось под руку. Теперь же в Москве он только одним и жил, одного желал, понять, узнать всё то, что знают люди, чем они живут, почему знают, что такая именно, такая, какая она есть, должна быть жизнь и почему и поддерживают ее такую. Узнать это он, не имея возможности узнать из высшей школы, он надеялся из книг и читал всё, что попадало, смотря на все книги, как на учение жизни.

[^^^]

10

Зачеркнуто: Зачем это автомобили у одних и духи, которые у них делают и как слышно продают по 3 р. за склянку.

[^^^]

Зач.: И в деревне он решил, что этого и понимать не надо, а надо жить, как все живут. Жил он в деревне чистою жизнью. В деревне он целовался с девушками на посиделках, но греха не знал, потому что сам не понимал, отчего ему было совестно. Здесь же в Москве он был к себе еще строже. Кухарка стала приставать к нему. Он с <злостью> обругал ее. На его беду он был миловидный, черноглазый, чернобровый, курчавый, среднего роста, стройный, ловкий. Особенно хорош он был, когда улыбался. Самые угрюмые люди улыбались на его улыбку. Он знал, что женщинам он нравился, но не только не дорожил этим, но чурался их. Он помнил свое сватовство с Аграфеной и то, что он и сказал ей, когда она посмеялась ему, что он забудет ее с московскими кралями. «Буде язык чесать-то, – сказал он ей, – как сказал, что никого кроме тебя не хочу любить и не буду. Мое слово во, как камень». И как он сказал, так и жил, и хотя и выслушивал рассказы московских ребят об их веселой жизни, сам только неодобрительно

покачивал на эти рассказы головой.

В чистой жизни этой в Москве поддерживала его особенно книжечка, которая попала ему, о половой распущенности, где описывался вред и опасность полового разврата. Также и в деле хмельных напитков помогли ему книги. В деревне он на празднике и в компании пил, но в Москве, также благодаря книге о хмельных напитках, он совсем отказывался от всего хмельного. Товарищи звали его монахом и смеялись над ним, но смеялись добродушно и любили его, потому что он не только не хвастался перед ними своей чистой жизнью, но, напротив, как будто стыдился ею. Живя в Москве, у него была одна страсть, поглощавшая все его силы, это была страсть к знанию, он весь горел этой страстью.

[^^^]

12

Зачеркнуто: И мало того, что стали возникать вопросы, но явились люди, которые прямо давали готовые ответы на эти вопросы.

[^^^]

В автографе: разгадыванию

[^^^]

Зач.: Он весь горел этим жизненным любопытством. Он жадно прислушивался к речам хозяев и покупателей, когда они приходили в контору, к разговорам в трактире, на улице. Он ходил в театр слушать знаменитые пьесы Гоголя, Грибоедова. Слушал, вытягивая шею, приглядывался блестящими глазами, читал газеты, книги с многообещающими заглавиями, и везде тайна жизни оставалась тайною, и что-то, что надо было узнать, не узнавалось. Он сам не знал того, что составляло главный интерес его жизни. А между тем жизнь его так

[^^^]

Зачеркнуто: В тот день, когда отец его собирался посылать ему письмо, вызывая его в деревню, с Павлом случилось казалось бы неважное событие, но событие это изменило всю его жизнь. Николай Аносов, служивший прежде вместе с Павлом в конторе, встретил Павла на улице и зазвал его к себе на квартиру. Аносов был развеселый парень, девушник, песенник и вместе с тем умный, начитанный и смелый. Что-то у него с месяц тому назад вышло с хозяином, его разочли. Аносов был без места, но, видимо, не нуждался, был по-прежнему хорошо одет и был такой же веселый. На квартире он мимоходом поиграл с хозяйской дочкой. Девушка обругала его, смеясь, очевидно не обижаясь на его игру, и дала ему ключ от его каморки.

– Вот что, брат Паша, первым делом обещаешь, что никому говорить не будешь.

– Известно.

– Всяких много, да я тебя знаю, все-таки с понятием. Так вот, видишь, есть такие люди, что понимают, от чего одни с жиру бесятся, а

другим жрать нечего. Мало [?] что понимают. Пришло время, что конец этому.

– Т. е. как же?

– А вот возьми книжки да почитай. – И Аносов передал Павлу две брошюры. – Прочтешь, завтра вечером приходи к Звереву (трактир), там потолкуем.

[^^^]

Зач.: познакомил Павла с Владимиром Васильевичем Разумником. Павел стал ходить на собрания и стал революционером

[^^^]

Зач.: И знавшие его считали его выдающимся деятелем и дорожили им.

[^^^]

Зачеркнуто: И в Москве он первое время держался чистоты, потому что

[^^^]

Зачеркнуто: выслушал, выпросил и вместе с Аносовым пошел на Бронную, где, как говорил Аносов, заседал Комитет.

[^^^]

Далее в автографе следует место с пометой на полях: «пр[опустить]»: <Лежал> еще в постели, обдумывал план действия сегодняшнего дня, когда к нему постучал Аносов. Накануне было затянувшееся до 2 часов ночи собрание московской фракции комитета соц[иал]–революционеров, и Владимир Васильевич много говорил, спорил, не мог заснуть и после того, как разошлись. Спор шел о том, что для Владимира Васильевича и других товарищей его было давно и окончательно решено и против чего восстал один из новеньких, именно о том, можно и должно ли добывать необходимые для партии деньги экспроприациями?

[^^^]

Зачеркнуто: учит[ельница]

[^^^]

В подлиннике: и мол,

[^^^]

Первоначально было: Арон. (к Алмаз.)

[^^^]

В подлиннике: 2-е

[^^^]

Зачеркнуто: примкнуть к

[^^^]

Зач.: (согласны).

[^^^]

*Далее рукой Толстого написано и зачеркнуто:
Не идет, глупо. Не могу. Дальнейшие строки
Толстой добавил не в автографе, а в исправ-
ленной им копии, написанной рукой С. А. Тол-
стой (см. описание рук. № 7).*

[^^^]

Первоначально эта глава начиналась так:
Так вот в тот самый день 17 июня, когда отец Павла встретился с Аграфеной и Аграфена и мать Павла так любовно поминали о нем, в этот самый день ранним утром с Павлом происходило в Москве следующее: Аносов исполнял сделанное ему революционным комитетом [поручение] экспроприации своего хозяина.

[^^^]

Зачеркнуто: вошел первый в контору и, поговорив с дворником о хорошей погоде – (ему приятно было думать, что он как равный с равным обращается с дворником, – он взялся за книги, чтобы сверить,

[^^^]

Зачеркнуто: А вот и он, подумал он, услышав его голос в сенях. С кем это он? Что такое значит Аносов? Тот самый рассчитанный за грубость Аносов? – думал хозяин, глядя на входивших Павла и Аносова.

– Послушайте, – начал он.

– Слушать нечего, канитель, – взвизгнул почти Аносов, вынимая из кармана револьвер и наставляя его в грудь Шинделя. – Ключи от конторки. *Поверх этого зачеркнутого текста был написан и вторично зачеркнут текст:* Он прошел приемную и темную проходную комнату и только хотел войти в кабинет, где была касса, как вдруг из-за двери выскочил молодой человек и, схватив его за ворот, приставил к груди револьвер.

[^^^]

Зачеркнуто: до себя дворнику, выстрелил в него, выстрелил мимо, дворник остановился. Аносов пробежал мимо дворника, и оба побежали, но на конце переулка городской схватил Павла за руку с револьвером, подбежавший дворник схватил за другую. Аносов незамеченный побежал в другую сторону.

[^^^]

Слово: получены написано дважды.

[^^^]

Место со слов: Решено было сделать *и кончая:* Завтра *написано поверху зачеркнутого:* Решено было сделать [в] этот вечер. Но когда они с Аносовым вышли из квартиры, где было заседание, Аносов вдруг решил совсем другое.

– Ничего этого не нужно. Никого нам не нужно. Мы вдвоем оборудуем. Можешь? Не боишься?

– Я боюсь? – улыбаясь, почти крикнул Павел. – Что другое, а я не побоюсь. Одни, так одни – ничего.

И Аносов рассказал свой план. Вместо вечера они сделают это

[^^^]

*Эта глава отчеркнута на полях с пометой:
пр[опустить].*

[^^^]

Зачеркнуто: покажет

[^^^]

Слово: палач приписано Н. Н. Гусевым под диктовку Толстого.

[^^^]

«Дневники С. А. Толстой», М. 1928, стр. 32, запись 24 февраля 1870 г.

[^^^]

А. А. Толстая, «Воспоминания» («Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», СПб. 1911, стр. 19).

[^^^]

«Краткий курс Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», 1950, стр. 94.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912,
стр. 140.

[^^^]

См. «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1897—1909», М. 1932, стр. 242. Публикаторы ошибочно проставили перед этой записью дату: 13 апреля. В рукописи – 14 января.

[^^^]

Н. Н. Гусев, «Два года с Л. Н. Толстым», М. 1912, стр. 269. Там же напечатаны (с одним цензурным пропуском) вопросы Толстого (стр. 269—270). См. также вариант № 3.

[^^^]

А. Б. Гольденвейзер, «Вблизи Толстого», т. I, М.
1922, стр. 318.

[^^^]

Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

[^^^]

«Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

Т. 54, стр. 52.

[^^^]

Т. 84, стр. 128.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т.15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

[^^^]

См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

[^^^]

«Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

[^^^]

«Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

[^^^]

Т. 57, стр. 200.

[^^^]

Т. 57, стр. 82.

[^^^]

Т. 58, стр. 65.

[^^^]

Т. 55, стр. 62.

[^^^]

Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

[^^^]